

13. *Хорос В.* Русская идея на историческом перекрестке / В. Хорос // Свободная мысль. – 1992. – № 6.
14. *Шевцова Л.* Деградация / Л. Шевцова // Новая газета. – 2010. – № 135. – С. 7–9.
15. *Шмелев Н.* У модернизации России «нет картинки» / Н. Шмелев // МК. – 2010. – 3 марта. – С. 3
16. *Oksenberg M.* Will China Democratize? / M. Oksenberg // The global Divergence of Democracies. – Baltimor – London : The Johns Hopkins University Press, 2001.
17. *Sen A.* Democracy as Universal Value / A. Sen // The global Divergence of Democracies. – Baltimor – London : The Johns Hopkins University Press, 2001.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК РЕСУРС ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА И ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ

А.П. Лунев, Т.А. Мордасова
(Россия, Астрахань)

Аннотация. В статье рассматривается гражданское общество как ресурс государственного и муниципального управления. Речь идет о параметрах участия, его объемах, формах и уровнях, факторах, обеспечивающих или затрудняющих влияние институтов гражданского общества на данный процесс.

Annotation. The article considers civil society institutions as a resource for state and municipal government development. The article informs about the parameters of social participation: quantity, forms and stages that are necessary for democratic regime; factors that favor or trouble the influence of civil society intuition on the process.

Ключевые слова: государственное и муниципальное управление, институты гражданского общества, взаимодействие органов власти и структур гражданского общества, оценка эффективности участия гражданского общества в государственном и муниципальном управлении.

Key words: state and municipal administration, civil society institutions, public participation, social participation development indicators, collaboration between government authorities and civil society organizations, effectiveness assessment of social participation in public administration.

Существенной характеристикой современного этапа модернизации российского общества становится переосмысление сложившихся парадигм государственного и муниципального управления. Речь идет о принципиальном обновлении понимания социальной обусловленности процесса, его роли и эффективности, оценки мотивов и стимулов субъектов и объектов управленческой деятельности. Анализируя сложившуюся ситуацию в системе управления, можно констатировать наличие двух основополагающих тенденций. Первая предполагает расширение и усложнение задач государственного и муниципального управления вследствие необходимости регулировать становление новой системы социально-экономических отношений; обеспечивать баланс и согласование интересов различных социальных групп; ограничивать влияние деструктивных факторов, снижающих результативность и социальную эффективность общественных связей. Вторая тенденция реализуется в постепенном сокращении директивного начала в управлении, усилении самоуправленческих механизмов, обеспечении общественного участия в разработке и принятии социально значимых решений. Учитывая, что объектом управления является общество переходного периода, принципиальное значение имеет рассмотрение сущности и содержания государственного и муниципального управления как системы и как процесса. Такой подход позволит ответить на ряд вопросов, раскрывающих предметную область участия гражданского общества в управленческой деятельности.

Отправной точкой определения природы государственного и муниципального управления служит понимание их целевой направленности и необходимости, а функциональная характеристика дает представление об институциональной среде и оценке эффективности. Описанию названных аспектов посвящено множество научных работ. Тем не менее открытыми для обсуждения остаются такие проблемы, как политика поддержки и развития общественных инициатив и институтов гражданского общества в государственном и муниципальном управлении; диагностика состояния и динамики социальной базы общественного участия; объем, формы и уровни ресурсного обеспечения гражданского общества для управленческой деятельности. Ресурсы гражданского общества могут использоваться в трех формах: реальное участие (возможность влиять на решение органов государственного и муниципального управления); символическое участие (сделать так, как скажет власть); квази-участие (поддерживать принятое без участия институтов гражданского общества решение). Другими словами, от реального участия гражданского общества и использования его ресурсного потенциала напрямую зависит качество подготовки принимаемых и исполняемых решений и эффективность деятельности органов государственного и муниципального управления. Олигархизация власти, рост авторитарных тенденций в деятельности государства, сужение публичности и усиление закрытости управленческой деятельности – неполный перечень негативных последствий ограниченного участия гражданского общества в управлении.

Публичность является обязательным критерием эффективной модели государственного и муниципального управления. Основным результатом этой деятельности становятся принятые и реализованные решения, в которых фиксируются заявленные цели и ценности. Публичность заставляет акцентировать внимание не на том, что органы власти предполагают сделать, а на том, что фактически сделано, стало их выбором из реально существующих альтернатив. Дефицит публичности проявляется в непрозрачности и недIALOGичности действий, замене соревновательности в управленческих отношениях ПР-технологиями, а также в заметном снижении интереса граждан к государственному и муниципальному управлению, что приводит к разобщению власти и общества, усиливает уровень недоверия к большинству демократических институтов.

Как показывает практика, именно выстраивание институализированных механизмов реального взаимодействия государства, органов местного самоуправления и гражданского общества предопределяет «новую публичность», поскольку ее производство зависит как от самих институтов, так и от сложившейся структуры управленческого пространства, его открытого или закрытого характера. Открытость пространства означает доступ всех конкурентных сил к процессу принятия решений, а закрытое пространство – это абсолютное доминирование власти при выборе стратегии социально-экономического и общественного развития. Следовательно, ответ на вопрос о том, какой сценарий развития политики государственного и муниципального управления возможен в той или иной ситуации, зависит от особенностей институционального развития и функционирования не только институтов власти, но и институтов гражданского общества, определения возможностей и границ их взаимодействия, форм и механизмов управления этим процессом.

Совершенно очевидно, что оценка эффективности использования ресурсов гражданского общества в системе государственного и муниципального управления, представляет практическую ценность, поскольку позволяет определить, насколько правильно выбраны направления деятельности и какой результат они принесут; что является ресурсной базой поддержания эффективности; какие проблемы могут повлиять на снижение уровня и качества управленческого воздействия и его общественного престижа; с какими потерями неизбежно столкнется общество вследствие необдуманного или «слабого» государственного и муниципального управления. Видоизменяя процедуры принятия решений и задавая координаты отсчета и цели, которые могут быть достигнуты, институты гражданского общества, во-первых, обеспечивают предупредительный характер управления, поддерживая непрерывный процесс взаимодействия всех заинтересованных сто-

рон для оценки их восприятия приоритетов и задач, а также предпочтений в отношении использования ресурсов и альтернативных стратегий развития или управления; во-вторых, формируют постоянную обратную связь, которая предопределяет последующие действия субъектов управления по ограничению воздействия негативных факторов. Оценивая гражданское общество как ресурс государственного и муниципального управления, важно, прежде всего, понять, какие факторы обеспечивают его устойчивость и стабилизацию, а какие могут привести к распаду самоорганизации или формированию деструктивной модели проявления гражданских инициатив.

Стабильность любой системы, включая систему государственного и муниципального управления, определяется способностью сохранять свои основные параметры, обусловленные многообразными факторами. Под факторами в данном случае понимаются условия, обстоятельства, причины, влияющие на заданную цель (ценность), которые одновременно могут выступать основой ее последующих изменений. Соответственно, факторный анализ позволяет выявлять стабилизирующие, системообразующие и системоизменяющие тенденции использовании ресурсной базы гражданского общества. Кроме того, факторный подход дает возможность не только понять механизмы стабилизации управленческих систем как таковых, но и проанализировать их содержание с учетом особенностей развития. В классических концепциях системной стабильности рассматриваются такие факторы, как разделение властей (Ш.Л. Монтескье), социальное чувство (О. Конт), социальная мобильность и циркуляция элит (В. Парето), социальный контроль (Т. Парсонс), социальные институты (структурно-функциональный подход), политические институты (институциональный подход), эффективность и легитимность власти, культура (Т. Парсонс) и т.д. Это подчеркивает необходимость изучения и эмпирического наполнения факторов стабильности современного российского общества в сфере государственного и муниципального управления [8].

Опыт национальных исследований подтверждает, что успешность демократического транзита во многом зависит от характера отношений политической элиты с организованными силами гражданского общества и степени развитости его структур. По мнению Л.И. Никовской, С.П. Перегудова, А.П. Цыганкова, российская стабильность олицетворяет мобилизационный тип, предполагающий сильную централизацию управленческого аппарата и ограничение влияния институтов гражданского общества. Институциональная модернизация государства значительно опередила модернизацию общества, и стабилизационно значимым большинством выступил не средний класс, а более пассивные слои населения, легитимирующие политический режим. Отсутствие четко структурированных массовых интересов, а следовательно, и ясно выраженной социальной идентификации каждого индивида препятствует формированию гражданских объединений и эффективным групповым действиям. В результате интересы «верхов», элит осознаны и представлены в гораздо большей степени, чем интересы других социальных групп. Кроме того, интересы «низов» имеют тенденцию восприниматься в патерналистском духе – как продолжение интересов тех или иных элитных групп. Вертикальная организация общества преобладает над горизонтальной [5; 7]. Однако ограничение гражданского общества рамками «горизонтальных» связей и отношений ведет к недооценке важности взаимодействия его институтов с такими контрагентами, как государство и бизнес [6]. При этом речь идет не просто о расширении взаимодействия между данными субъектами, но и об их взаимопроникновении. Например, именно с данными изменениями во многом связано появление принципиально новой концепции отношений корпоративного бизнеса и гражданского общества, известной как «корпоративное гражданство». В зарубежной практике данное понятие официально оформилось на Лиссабонском европейском саммите в марте 2000 г., оно зафиксировано Европейской комиссией как корпоративная социальная ответственность (Corporate Social Responsibility – CSR) в «Зеленой книге о CSR» [9].

Утверждение такого понимания социального партнерства и практики корпоративного гражданства объяснялось, прежде всего, зрелостью гражданского общества,

способностью его организаций не просто участвовать во взаимодействии с властью и корпорациями, но и влиять на те правила, по которым данное взаимодействие осуществляется. Созданный летом 2004 г. Координационный совет Российского союза промышленников и предпринимателей, Деловой России и Объединения организаций малого бизнеса (ОПОР) также отнес к числу своих важнейших задач внедрение стандартов социальной отчетности в практику российского бизнеса [2]. Сказанное означает, что концепция корпоративного гражданства – это не просто доктрина, а руководство к действию, требующее анализа и оценки. Использование подобных технологий закономерно предполагает запуск механизмов, противоречащих мобилизационной стабильности, и представляет сложную дилемму для государственного и муниципального управления. Ослабление курса может привести или к дестабилизации существующей ситуации, или сформировать предпосылки для ее проявления в перспективе. Методологически возможны два подхода к рассмотрению данной проблемы: системно-функциональный или процессуально-динамический [3].

В первом случае упор делается на взаимовлияние факторов, обеспечивающих участие институтов гражданского общества в государственном и муниципальном управлении; во втором – на смену состояний самого участия гражданского общества в этом процессе. Второй подход пользуется большей популярностью в современной теории управления, поскольку исходит не из существования незыблемых систем, а из противоположной идеи приоритета динамического движения, текучего социально-политического поля (П. Бурдьё) и постоянно распадающихся инвариантов политических структур (А. Гидденс). В данном контексте речь идет о динамической характеристике управления, которое разворачивается во времени и в пространстве и связано с изменениями в поведении и отношениях субъектов по поводу властных интересов. Результатом взаимодействия различных субъектов является создание устойчивых связей и взаимоотношений, возникновение новых правил и норм, создание или воспроизводство институтов управления. Различие подходов сопровождается одновременно расхождением исследовательских стратегий. В рамках системно-функционального подхода, в частности, происходит внутренняя дифференциация, перераспределение акцентов на исследование той или иной группы структурных факторов, определяющих процесс демократической консолидации. Длительное время приоритет принадлежал исследованию социально-экономических факторов, а с 1990-х гг. доминирующим влиянием пользуются факторы общественной консолидации, связанные с характеристиками политической культуры: толерантности, доверия, эгалитаризма как приверженности нормам и ценностям равноправия, склонности к компромиссу [4].

При процессуально-динамическом подходе отдается должное значению институциональных и политических факторов, которые оказывают прямое воздействие на перспективные консолидации общества на демократической основе. Одновременно обращается внимание на факторы непрямого действия, влияющие опосредованно, через воздействие на характер и последствия институциональных преобразований и соответствующих им управленческих отношений. При этом учитывается также длительность существования тех или иных организаций или процедур, их авторитет в общественном сознании, успешность используемых технологий.

Применительно к государственному и муниципальному управлению процессуально-динамический подход позволяет охарактеризовать его как социальный макро-процесс, представляющий собой, во-первых, временную последовательность целостных состояний общения людей по поводу власти в пространстве ее легитимного поддержания; во-вторых, как полученный результат индивидуальных и групповых взаимодействий, т.е. итог совокупной общественной активности данного сообщества; в-третьих, как утвердившейся политической порядок, воспроизводящий и изменяющий способы взаимодействия государства и общества, институтов и групп, политической системы и социальной среды, а также иерархию их правил и форм проявления.

Основные виды факторов, оказывающих воздействие на названный процесс, можно классифицировать по различным основаниям: а) по характеру влияния: 1) прямые (политические институты, гражданское общество, эффективность власти,

легитимность власти); 2) косвенные (политическая культура, разделение властей, мобильность, циркуляция элит, политический режим); б) в зависимости от актора: 1) институциональные (институты власти, институты участия); 2) представительские (политическое лидерство, средний класс, стабилизационно значимое большинство); в) по функциям: 1) сохраняющие (система, ее элементы, поддерживающие равновесие); 2) адаптационные (помогают обществу адаптироваться к новым условиям во внешней и внутренней среде); 3) развивающие (образование новых элементов и связей, их закрепление) и т.д. Эти факторы действуют не изолированно, а в системном единстве и проявляют себя по-разному в стабильных для общества ситуациях и в периоды трансформации, когда управление носит особенно сложный и противоречивый характер. Естественно, что факторы участия институтов гражданского общества в государственном и муниципальном управлении разделимы только аналитически, в реальной практике они взаимосвязаны.

В итоге многообразная практика участия институтов гражданского общества в государственном и муниципальном управлении сводится к двум основным моделям: 1) социальной поддержки и активности и 2) коллективного действия. Первая модель предполагает, что потенциал гражданского общества рассматривается в качестве ресурса управления и его участие в этом процессе сводится к более эффективному обслуживанию различных социальных групп, основанному на добровольной инициативе и посредничестве. Смысл такого участия выражается в активной благотворительной деятельности, благодаря которой регулируются общественные отношения, снижается социальная напряженность и обеспечивается вовлечение общественных структур в разработку и реализацию целевых программ и программ социально-экономического развития территорий. Приоритетным направлением деятельности становится разработка механизмов, побуждающих социально ответственный бизнес к меценатству для поддержки общественных инициатив, к расширению участия общественности и бизнес-сообщества в договорах и соглашениях по осуществлению социально ориентированной политики. Совместные мероприятия и информационный обмен между участниками процесса призваны способствовать выработке и принятию согласованных решений и формированию позитивно направленного информационного пространства между властью, бизнесом и третьим сектором. Инициаторами совместных консультативных мероприятий могут выступать как органы государственной и муниципальной власти, так и институты гражданского общества. Рекомендации, выработанные в ходе их проведения, обязательны для рассмотрения властными структурами и учитываются ими при принятии решений. Данная модель очень привлекательна для власти, поскольку не акцентирует внимание на исключительной роли гражданского общества в государственном и муниципальном управлении, а, наоборот, представляет их в роли структур второго плана, обеспечивающих поддержку проводимой правящей элитой социально-экономической политики. Однако для самих институтов гражданского общества на определенном этапе эта модель становится основой бюрократизации деятельности, поскольку принципиальное значение приобретает процессуальная, а не содержательная сторона. Кроме того, они остаются в стороне от активных действий по разработке и принятию управленческих решений, контроля за их реализацией и т.д. Доминируя в организационно-практическом плане, данная модель ограничивает возможности других типов взаимодействия с властью, которая заинтересована лишь в оказании помощи и поддержки в доступе и обмене социально значимой информацией, укреплении действующих и создании новых профильных структур, обеспечивающих выполнение социального заказа за счет средств бюджета. Главная задача институтов гражданского общества вовлекать в процесс участия новых партнеров, повышать возможности влияния через продвижение диалога, коллективное обучение и построение сетей для горизонтальных связей. Такая логика саморазвития требует использования разнообразных механизмов и технологий общественного участия, определенного уровня профессионализма в управлении. Публичная сфера становится жизненной средой для этой части институтов гражданского общества. Участие в разработке и экспертизе проектов законов и целевых про-

грамм, оказание методической и консультативной помощи, проведение форумов и фестивалей для обмена опытом работы, ярмарок социальных проектов и программ, инициирование научных исследований по выявлению эффективных форм и механизмов социального партнерства; организация дискуссий, общественных слушаний, переговорных площадок, «горячих линий», общественных приемных и иных форм диалога и обмена мнениями между властью, обществом и бизнесом по широкому спектру вопросов общественного и социально-экономического развития представляют содержание и технологии данной модели. Однако степень влияния институтов гражданского общества при определении проблем, требующих средств и методов управленческого регулирования, может оказаться незначительной, поскольку предлагаемые решения подлежат обязательному рассмотрению органами государственной и муниципальной власти, но при этом носят рекомендательный характер.

Модель коллективного действия ориентирует на укрепление и повышение устойчивости институтов гражданского общества, привнесение позитивных социальных изменений в общественно-политическое развитие. Участие носит прецедентный характер, поскольку, развиваясь в одной сфере, задает цели и задачи, реально достижимые в других. Соответственно, экспертная и аналитическая работа институтов гражданского общества как участников коллективного действия направлена на выявление независимой общественной оценки эффективности принятых или предполагаемых к принятию органами государственной или муниципальной власти нормативных и правовых актов. Она осуществляется с привлечением специалистов для определения качества и возможных социально-экономических последствий решений, соответствия этих последствий поставленным целям. Инициаторами составления экспертных и аналитических заключений могут выступать как властные структуры, так и институты гражданского общества. Экспертные и аналитические заключения являются обязательными для рассмотрения органами государственного и муниципального управления. Устойчивые механизмы участия гражданского общества в управлении гарантируют отстаивание общественных интересов, при этом формы и технологии зависят от сложившейся культуры репрезентации интересов. Для властных структур взаимодействие с гражданским обществом в рамках этой модели обеспечивает укрепление авторитета власти, поскольку позволяет продемонстрировать открытость и заинтересованность в консолидации усилий и достижении результативности в осуществлении социально-экономической политики, поддерживая конкуренцию мнений и позиций, альтернативные подходы сторон к решению существующих проблем. Кроме того, для достижения своих интересов институты гражданского общества действуют независимо и автономно от органов власти, опираясь на кооперацию собственных усилий и ресурсов, что обеспечивает не только внедрение разнообразных технологий социального партнерства, но и закрепление за ними новых функций в системе государственного и муниципального управления. Обязательным условием названных процедур взаимодействия власти, бизнеса, общества является разработанная и официально принятая концепция стратегии общественного развития. В ней закрепляются основные приоритеты и принципы организации сотрудничества, необходимая для его реализации инфраструктура, информационное, организационное и финансовое обеспечение процесса. К сожалению, наличие такого документа не общее правило участия гражданского общества в управлении, а исключение из правил. Учитывая дифференциацию территорий страны по темпам развития институтов гражданского общества, властные структуры продолжают придерживаться патерналистской традиции применительно к ним, а провозглашаемые в официальных заявлениях партнерские, ответственные взаимоотношения государства, бизнеса и общественных объединений остаются на уровне деклараций.

В целом, характеристика моделей участия институтов гражданского общества в государственном и муниципальном управлении позволяет не только определить особенности и универсальные характеристики данного процесса, иерархию его уровней, но и типы институтов гражданского общества, которым в наибольшей степени присущи те или иные формы и методы участия. Так, минимально необходимым услови-

ем участия является общественный интерес, без которого невозможно качественное решение подавляющего большинства проблем, имеющих общественный характер. В отличие от ситуативных устойчивые формы участия в решении значимых вопросов уже требуют организационного оформления и развитой инфраструктуры гражданского общества. Для общественного диалога необходимы сложившиеся формы и механизмы участия в принятии значимых для территории решений – сообщества, интенсивность коммуникаций между ними, наличие ассоциативных структур и признанных лидеров (экспертов). Проанализировать складывающиеся тенденции, определить приоритеты деятельности и перейти к разработке программных мероприятий, т.е. реальному участию в государственном и муниципальном управлении, можно при наличии таких организационных форм взаимодействия институтов гражданского общества с властными структурами, как концепции партнерства, договоры и соглашения, наличие в стратегических программах социально-экономического развития разделов, связанных с участием гражданского общества и т.д. В данном случае речь идет об объединении ресурсов ключевых сообществ, представляющих власть, бизнес и общество. К этому уровню можно отнести формы социального заказа, социальное партнерство, частно-общественное партнерство.

В зависимости от достигнутой степени развития институты гражданского общества специализируются на определенном уровне участия в государственном и муниципальном управлении, соответствующих ему формах и методах: проблемно-ориентированных инициативах; общественном участии в локальных распределительных коалициях; оценке принимаемых решений и т.д. [1]. Профессиональные знания, накопленный опыт экспертной работы, ресурсная база для диагностики способов решения проблем делает их востребованными в ситуациях социальной напряженности, при расколе региональных элит или конфликте между политическими институтами.

Проблематизацией политических решений занимаются структуры гражданского общества двух типов: иницирующие протестные действия и поддерживающие их. Миссия первого типа связана с выявлением разнообразных случаев нарушения действующих нормативно-правовых актов – от градостроительной до правозащитной деятельности. Они чаще всего не обладают опытом участия в государственном и муниципальном управлении, развитой ресурсной базой, приобретают их непосредственно на практике, поэтому провоцируют локальные конфликты и не вызывают у власти симпатии и желания сотрудничества. Можно привести точечные примеры их конструктивного участия, которое способствовало решению общественно значимых вопросов [10]. Второй тип отличается развитыми сетями профессионализированных некоммерческих организаций, способных самостоятельно разрабатывать стратегию протестного поведения, обеспечивать общественную поддержку собственных действий и устанавливать жесткий контроль за деятельностью органов государственной и муниципальной власти. Их опыт и реальные организационные ресурсы вынуждают властные структуры признавать необходимость взаимодействия с ними при решении проблемных ситуаций, поскольку протесты со стороны институтов гражданского общества являются прямым показателем отсутствия действенных механизмов взаимодействия с ними.

Конечно, участие институтов гражданского общества в государственном и муниципальном управлении не может четко вписываться в предложенные к рассмотрению модели. Адаптируясь к изменениям институциональной среды, гражданское общество и государство, органы местного самоуправления создают новые формы и технологии данного процесса. Однако даже краткий обзор ресурсной базы гражданского общества в контексте возможностей и ограничений для участия в государственном и муниципальном управлении показывает, что необходимы дальнейшие исследования отечественной практики организации взаимодействия органов власти и институтов гражданского общества, выявление перспективных методов выстраивания отношений между ними.

Библиографический список

1. Белокурова Е. Общественное участие на локальном уровне в современной России / Е. Белокурова // Неприкосновенный запас. – 2010. – № 2 (70) – С. 35–38.
2. Дегтярев А. Основы политической теории / А. Дегтярев. – М. : ЛКИ, 2002. – С. 149–156.
3. Карл Т. Демократизация: концепции, постулаты, гипотезы (размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций) / Т. Карл, Ф. Шмиттер // Полис. – 2004. – № 4. – С. 15.
4. Линецкий А. В. Институты гражданского общества в общественных трансформациях / А. В. Линецкий. – Режим доступа: <http://www.politex.info/content/view/119/30/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
5. Никовская Л. И. Социальные основания гражданского общества на Западе и в России: состояние и проблемы / Л. И. Никовская // Проблемы становления гражданского общества в России : мат-лы науч. семинара. – М., 2003. – Вып. 4. – С. 44.
6. Перегудов С. П. Гражданское общество как субъект публичной политики / С. П. Перегудов // Полис. – 2006. – № 2.
7. Савин С. Д. Типология политической стабильности в современном обществе / С. Д. Савин // Политическая социология: теоретические и прикладные проблемы. – СПб. : Изд. дом СПбГУ, 2007.
8. Режим доступа: <http://www.mevriz.ru/articles/2005/3/3735.htm>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
9. Режим доступа: www.zircon.ru/upload/File/russian/publication/4/080332.pdf, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

**ГОТОВЫ ЛИ ПРОФСОЮЗЫ
ЗАЩИЩАТЬ ИНТЕРЕСЫ НАЕМНОГО ТРУДА В РОССИИ?**

**М.А. Молокова
(Россия, Курск)**

Аннотация. В работе дается анализ современного состояния профсоюзного движения в России. Автор отмечает, что профсоюзное движение в России переживает не самые лучшие времена, что степень эффективности его работы по-прежнему остается незначительной. Вместе с тем ответственность профсоюзов многократно возрастает в условиях проводимой властями социально-политической модернизации России.

Annotation. The analysis of the current state of the trade-union movement in Russia is given in the work. The author notices that the trade-union movement in Russia does not have the best times and the degree of efficiency of their work still remains insignificant. At the same time the responsibility of trade unions repeatedly increases under the conditions of sociopolitical modernization of Russia spent by the authorities.

Ключевые слова: публичная политика, профсоюзы, наемный труд, интересы, ответственность.

Keywords: the public policy, trade unions, wage labour, interests, responsibility.

Недемократический характер российского капитализма запустил и вырастил глубинное противоречие между узко клановой формой присвоения общественного богатства и необходимостью актуализации (интенсификации) социальных форм общественного развития, когда требуется прекратить «перевод богатства во власть» (Дарендорф Р.) и сделать реальностью гражданские и социальные права для всех, а не только для избранных. Именно поэтому углубляющийся системный кризис, наиболее остро проявившись в социальной сфере (в стране закрываются предприятия, растет безработица, сокращаются заработные платы и реальные доходы большинства граждан), все больше начал возвращать к жизни большую политику, задевающую интересы больших социальных групп и публично предъявляющую вопросы к представителям правящего класса: почему Россия упала глубже большинства развивающихся экономик, в том числе и соперников по BRIC? Даже в последнем, самом пес-